Л. В. Фролова

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ КОНЦЕПТ «ВОЗДУХ» В РОМАНЕ М. М. ПРИШВИНА «КАЩЕЕВА ЦЕПЬ»

Работа представлена кафедрой русского языка и методики его преподавания Липецкого государственного педагогического университета. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Г. В. Звездова

Проведено исследование особенностей употребления концепта «воздух» в романе М. М. Пришвина «Кащеева цепь». В результате определена та сфера представлений, смыслов, образов, с которой связан этот концепт. Таким образом, исследование открывает новые пути изучения романа.

Ключевые слова: языковая картина мира, художественная картина мира, индивидуально-авторская картина мира, концепт, символ.

Peculiarities of using of the concept «air» in the novel «Kashchei's chain» by M. M. Prishvin are studied in the article. The sphere of ideas, senses and images, which this concept is connected with, is defined. Thus the research discovers new ways of study of the novel.

Key words: language picture of the world, artistic picture of the world, author's individual picture of the world, concept, symbol.

Художественный концепт как особый элемент художественного текста был выделен в 1928 г. С. А. Аскольдовым. Однако только в последние десятилетия художественный концепт стал предметом пристального внимания в рамках когнитивного анализа художественного текста, в особенности при решении проблемы идиостиля писателя. Как любой научный термин в период утверждения, он вызвал целый ряд разногласий по вопросу своей дефиниции и структуры, обоснования методов его изучения и использования, соотношения художественного концепта с языковым.

Так, И. А. Тарасова в русле психолингвистики определяет художественный концепт как «индивидуальное перцептивно-когнитивно-аффективное образование», единицу индивидуального сознания, вербализованную в едином тексте творчества автора[1].

Однако большая часть исследователей признает непременное наличие у художественного концепта «внетекстуального» или «внеиндивидуального» измерения.

В этом отношении мы разделяем мнение Л. В. Миллер, которая определяет художественный концепт как единицу, которая принадлежит «не только *индивидуальному сознанию*, но и (в качестве интенциональной составляющей эстетического опыта) *коллективному сознанию определенного этнокультурного сообщества*»[2].

Соотношение художественного концепта с общим объемом коллективного культурного опыта, сознания, менталитета позволяет говорить о его взаимосвязи и взаимообусловленности с языковым концептом, который, согласно определению В. В. Колесова, есть «основная единица ментальности»[3]. Таким образом, языковой концепт всегда составляет базу художественного концепта, как коллективное всегда есть основа индивидуального. Однако коллективный опыт в целом есть нивелирование индивидуальных различий. Именно на данном понимании базируется подход к анализу художественного текста как к составной части национальной концептосферы, ибо «литературные тексты конкретного автора, взятые в совокупности, позволяют дать определенные выводы о концептосфере народа»[4]. Вместе с тем следует особо отметить, что взаимодействие языкового и

художественного концептов ни в коем случае не сводимо к схеме отношений «часть – целое», где конкретная реализация концепта в художественном тексте – есть лишь сегмент обширного языкового концептуального поля. Ибо каждый автор не только по-своему интерпретирует концепт, но и дополняет, обогащает его содержание индивидуальными приращениями смысла.

Объектом данного исследования является фрагмент художественной картины мира М. М. Пришвина, связанный с представлениями о воздушной стихии.

Предметом исследования послужило сопоставление ядра языкового концепта «воздух» с выявленным в ходе анализа текста ядром одноименного художественного концепта, его репрезентантами, средствами языковой объективации концепта в лексической структуре романа «Кащеева цепь».

Как уже отмечалось нами, основой художественного концепта служат языковые представления об обозначенном феномене.

Рассмотрение ядерной лексемы *воздух*, по нашему мнению, правомерно начать с этимологии слова, поскольку эта информация позволяет выявить исходный мотивирующий признак, лежащий в основе структуры концепта.

Согласно данным «Этимологического словаря русского языка» М. Фасмера, лексема *воздух* является заимствованием из церковно-славянского языка «ср. ст.-слав. въздоухъ, ср. воз- и дух»[5].

Выявленная связь лексем *воздух* и *дух, дыхание* находит подтверждение в славянской мифологии, где сближаются представления о воздухе и дыхании, дуновении, ветре. Значение *«дух», «дышать»* является неотъемлемой составной частью всех словарных толкований лексемы *воздух* в словарях древнерусского языка. Так, в «Словаре церковнославянского и русского языка», подготовленном Имперской Академией наук в 1847 г., *воздух* толкуется как: «Упругая и прозрачная жидкость, окружающая земной шаръ и служащая къ дыханію животныхъ»[6]. Схожее значение приводится В. И. Далем: «Тонкая и упругая прозрачная жидкость (жижа, режа, среда), которою мы дышим»[7]. Составители «Словаря русского языка XI–XVII вв.» среди прочих фиксируют следующее значение: «Воздух – 3) мн. Легкие (орган дыхания)»[8].

Таким образом, не случайно славянские лексемы *дух, воздух, дышать, дохнэть* оказались в одном словообразовательном гнезде. Язык аккумулирует здесь архаичные воззрения: в язычестве и раннем христианстве *воздух* и *дух* не дифференцировались.

Современные толковые словари не актуализируют значение *«дух», «дышать»* в семеме *воздух*. Кроме того, они теряют ряд значений ядерной лексемы, важных для древнерусского языка. Так, значения «ветер, вихрь»[9] и «одна из четырех стихий»[10] исчезли из современных словарей.

Таким образом, в результате анализа данных этимологических и толковых словарей можно сделать вывод, что ядерная лексема *воздух* обладает рядом значений: *дух, дыхание, жизнь, околоземная оболочка, пространство, движение,* которые можно рассматривать как когнитивные признаки языкового концепта *воздух*.

Следующим этапом нашего анализа станет определение объема когнитивных признаков языкового концепта, актуализированных в процессе функционирования художественного концепта *воздух* в романе М. М. Пришвина «Кащеева цепь», а также определение индивидуально-авторских приращений концепта.

В тексте романа М. М. Пришвина концепт *воздух* актуализирует два ряда когнитивных признаков. Первый ряд составляют признаки, восходящие к **мифо-поэтической традиции**: *место обитания духов, свободное, вольное, пространство жизни птиц*; второй – признаки, отражающие **индивидуально-авторское понимание** концепта: *заполнен мыслями, идеями, чувствами.*

Понимание воздушной стихии как **места обитания духов и душ** сопряжено с эти-

мологически заложенной неразрывностью *воздуха* и *духа* и имеет глубочайшую мифологическую и религиозную традицию. В религии *воздух* имеет предельно однозначное толкование и в переносном значении символизирует духовный мир зла, в котором царит сатана. В народных представлениях *воздух* – «сфера пребывания душ и невидимых демонических существ»[11], где лексема «душа» потенциально обладает как положительной, так и отрицательной символикой (ср.: «светлый дух» и «темная душа»).

В тексте романа встречается обращение автора как к мифологической, так и к религиозной трактовке.

В начальных главах романа, которые в целом характеризуются обилием религиозных символов, наблюдаем следующее употребление: «Все кто-то сзади шепчется… Обернулся – и нет никого, только мелькнули в воздухе чьи-то копытца. В страхе бежит от них Курымушка и вдруг остановится на площадке возле дома и рассыпает вокруг себя крестики»[12]. В приведенном контексте лексема *воздух* реализует символику духовного мира зла, мира сатаны. Это подчеркивается вхождением ее в лексико-тематическую группу, состоящую из номинаций, имплицитно содержащих значение «темная сила»: *копытца, страх, страшный, спрячется, шепчется.*

В поздних главах, отражающих эволюцию главного героя Михаила Алпатова к целостному миросозерцанию, основой которого выступает увлекшая самого автора философия русского космизма, наблюдается и изменение понимания *воздуха*. Номинация *воздух* образует лексико-тематическую группу слов со значением «добро»: *радость, жизнь, любимая, праздник, духи.* Где лексема «духи», характеризующаяся прилагательным «радостные», приобретает ярко выраженную положительную коннотацию: «Юноша несет на руках хоронить любимую девушку, а везде в воздухе пролетают весенние духи радости и зовут принять участие в великом празднике, и никто даже не понимает его земную скорбь» (19; 305).

Понимание воздуха как синонима **свободы и воли** имеет длительную мифологическую и литературную традицию и основано на ассоциативной связи с когнитивными признаками языкового концепта *движение, сила.* Достаточно наглядно просматривается это в функционировании устойчивого словосочетания «вольный воздух» в фольклорных текстах и классической литературе. Следуя традиции, автор использует лексему *воздух* в ряду номинаций, содержащих интегральную сему «воля, свобода»: *степь, звезда, кочевник, конь, свет, окно, птица.*

С осознанием *воздуха* как вольного пространства тесно взаимосвязано понимание его как **места обитания птиц**, сферы их полета, связанные посредством метонимического переноса, ибо птица во все времена служила олицетворением свободы. Подтверждение этого находим в русском фольклоре: *Счастье вольная пташка: гдѣ захотѣло, тамъ и сѣло; Птица ни сѣетъ, ни оретъ, а сыта живетъ; Живетъ, какъ птица поднебесная (воленъ, беззаботенъ)* и др.[13]

В романе М. Пришвина слово-символ *птица* является одним из ключевых, а понимание воздушной стихии как стихии полета птиц – наиболее частотным. В лексико-тематическую группу, образованную номинацией *воздух*, входит родовое понятие *птица*, группа видовых номинаций: *ястреб, лебедь, гусь, трясогузка, цапля, дрофа, утка* и др., а также глаголы с интегральной семой «лететь»: *лететь, проноситься, порхать, взмыть* и др.: «Дрофы разбежались, тяжело полетели, встретились в воздухе с цаплями» (19; 76); «Ястреб торжествующий хлопает в воздухе крыльями» (19; 37).

Особый интерес представляют когнитивные признаки концепта, относимые нами к группе **индивидуально-авторских** приращений смысла.

Понимание воздуха **как сферы существования и материализации мыслей и**

чувств – одна из ярких черт пришвинской языковой картины, теснейшим образом связанная с воззрениями научного космизма первой половины XX в. и учением о ноосфере В. И. Вернадского. Живая оболочка человеческих чувств и идей, окружающая Землю, репрезентируется лексемой *воздух* и образованным от нее прилагательным *воздушный* и образует лексико-тематическую группу, в которую входят абстрактные существительные, производные от них прилагательные и глаголы со значением мысли и чувства. Это номинации: *чтение, воспоминание, память, мысль, бесконечность, страница, буква, книга; ученый, неясный; любить, писать:* «А то ему иногда казалось при чтении ученой книги, что он на воздушном шаре под небо летит и, чтобы все выше лететь и не спускаться, надо скидывать балласт» (19; 186); «Ему приходилось, за отсутствием бумаги, писать слова в воздухе, удерживая буквы зрительной памятью» (19; 233); «Я люблю по воздуху» (19; 425).

Таким образом, в ходе анализа содержания и функционирования концепта *воздух* в тексте романа М. М. Пришвина нами были выделены когнитивные признаки языкового концепта, актуальные для данного художественного произведения, а также индивидуально-авторский признак художественного концепта «сфера существования и материализации мыслей и чувств», основанный на идейно-философских воззрениях автора.

Следующим этапом анализа художественного концепта станет определение его периферии.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Тарасова И. А.* Поэтический идиостиль в когнитивном аспекте: На материале поэзии Г. Иванова и И. Анненского: Дис. на соис. учен. степени д-ра фил. наук. Саратов, 2004. С.106.

[2] *Миллер Л. В.* Лингвокогнитивные механизмы формирования художественной картины мира: на материале русской литературы: Дис. на соис. учен. степени д-ра фил. наук. СПб., 2004. С. 85.

[3] *Колесов В. В.* Жизнь происходит от слова. СПб.: Златоуст, 1999. С. 81.

[4] *Фоминых Н. В.* Концепт, концептор и художественный текст // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж, 2001.

[5] *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. 4-е изд., стер. М.: Астрель; Издательство АСТ, 2003. Т. 1. С. 333.

[6] Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка: В 4 т. 2-е изд., СПб.: Изданиіе Тиблена, 1869. Т. III–IV. 1026 стлб. Стлб. 304.

[7] *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Терра, 1994. Т.1 С. 226.

[8] Словарь русского языка XI–XVII вв., выпуск 2. М.: Наука, 1975.

[9] Там же.

[10] *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка: В 3 т., Т.1. М., 1958. 1420 стлб. Стлб. 354.

[11] Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М.: Междунар. отношения, 2002. С. 84.

[12] *Пришвин М. М.* Собр. соч. В 8 т. М.: Худож. лит., 1982–1984. Т. 2, 1982. С. 29. (Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием страницы.)

[13] *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Терра, 1994. Т. 3. С. 534.